

М. А. Поляковская

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ (по Алексею Макремволиту)

Вопрос о социальной структуре поздневизантийского города является одним из наиболее сложных и малоизученных в византиноведении. Исследователи, обращавшиеся к проблематике города времени Палеологов, отмечали господство в городской экономике духовных и светских феодалов, засилье итальянского купечества. А как складывались взаимоотношения внутри тех слоев городского населения, которые в источниках XIV в. назывались «средними»?¹ Что представляла из себя внутренняя структура поздневизантийского бюргерства? Эти вопросы трудно решить в настоящее время в силу ограниченности фонда известных нам источников. Однако некоторые детали большой проблемы социальных противоречий в поздневизантийском городе могут быть освещены в связи с анализом произведений Макремволита.

Алексей Макремволит — византийский автор середины XIV в.² До недавнего времени мы знали о нем лишь по нескольким стихотворным отрывкам, опубликованным в XIX в.³, а также по христианскому толкованию на одно из произведений Лукиана⁴. Неполное описание содержания рукописи (№ 417) произведений Алексея Макремволита, обнаруженной в библиотеке Лавры Саввы Освященного в Иерусалиме, было осуществлено А. Пападопуло-Керамевсом⁵.

Значительно пополнила наши представления о творчестве этого писателя и о византийской литературе XIV в. в целом публикация неизвестного до сих пор «Разговора богатых и бедных», принадлежащего перу Алексея Макремволита. Греческий текст «Разговора» и его английский перевод опубликован профессором Колумбийского университета И. Шевченко⁶. Публикации предпослана статья издателя, содержащая извлечения из неопубликованных произведений византийского писателя, находящихся в рукописи Sabbaticus 417 XIV в. иерусалимской патриаршей библиотеки⁷. И. Шевченко предполагает, что изучаемые им рукописи были собственной авторской копией⁸. Ни одно из произведений Алексея Макремволита до сих пор не переводилось на русский язык.

Об Алексее Макремволите написано очень мало. В основном это лаконичные, справочного характера сообщения об авторе⁹. В последнее время имя Макремволита стало упоминаться все чаще в связи с публикацией «Разговора»¹⁰. Наиболее полно освещает жизнь и творчество этого византийского писателя уже упоминавшаяся выше статья американского исследователя И. Шевченко.

Сведения о жизненном пути Алексея Макремволита отрывочны и скупы. Ни современники писателя, ни он сам не сообщают в этом отношении ничего более или менее конкретного и определенного. Предположения об общественном положении Макремволита, высказанные А. Пападопуло-Керамевсом и И. Шевченко, основаны на выводах из произведений писателя.

Литературные выступления Макремволита относятся к середине XIV в. (40—50 гг.). Это было трудное и сложное время политической и классовой борьбы в стране. Какую же ступень в социальной лестнице византийского общества занимал писатель? Совершенно очевидным доказательством того, что он не относился к духовенству, являются приведенные И. Шевченко отрывки из неопубликованного Панегирика на монашескую жизнь и других произведений Макремволита¹¹. В начале 40-х гг. Алексей был на службе у Патрикия, производившего перераспределение проний по поручению Иоанна Кантакузина. Писатель называет Патрикия в своем «Слове» финансовым чиновником¹². Трудно сказать, какого характера работу выполнял Макремволит у Патрикия. И. Шевченко высказал предположение, что он мог быть в 1341—1342 г. (Патрикий был убит осенью 1342 г.) младшим землемером. В силу этого предположения Макремволита в последнее время стали определенно называть землемером, хотя это ничем не подтверждается. Позднее Алексей Макремволит был учителем¹³, читал лекции на религиозные темы, учил грамматике¹⁴. Жил писатель, по всей вероятности, в Константинополе. И. Шевченко приводит в пользу этого предположения ряд доказательств (неоднократные упоминания о землетрясении 1343 г., от которого пострадала часть города; сожаления по поводу разрушения св. Софии в 1346 г.; описание генуэзской войны 1348—1349 гг., бой которой наблюдались Алексеем в столице империи)¹⁵.

Нам трудно судить в полной мере о материальном положении писателя, однако он не раз жаловался на нищету и лишения (*penían kai gúmnōsin*), говорил, что «в жизни мимолетной часто не был обеспечен» (*d̄zōēs dē tēs efēmérou pollàkis mē euporōn*)¹⁶.

Какую позицию занимал Макремволит в отношении гражданской войны и паламизма — явлений, во многом определивших настроенность общественной жизни империи в середине XIV в.? А. Пападопуло-Керамевс определенно относит его к партии, поддерживавшей Иоанна Кантакузина¹⁷. И. Шевченко тоже отмечает (хотя и более осторожно) симпатии Макремволита к Канта-

кузину и враждебную настроенность по отношению к патриарху Иоанну Калеке и Апокавку. Однако доказательства американского исследователя в пользу этого тезиса (несколько замечаний в «Слове о Гenuэзской войне», пометка в «Оплакивании по поводу разрушения св. Софии» и др.)¹⁸ очень условны, носят косвенный характер — в силу этого и выводы воспринимаются как предположение. Но как бы то ни было, Макремволит был противником гражданской войны и ждал мира («Я люблю мир и божье покровительство»)¹⁹.

Отношение Макремволита к паламизму вырисовывается еще более смутно. Обращение писателя к очень модной во времена исихастских споров теме (вернее — терминологии) о божественной энергии²⁰ неудивительно. Рассуждения об энергии в этот период, как известно, отнюдь не были предметом только теологии: в исихастские споры были втянуты все, кто имел отношение к политической жизни страны. Однако приведенные И. Шевченко извлечения из произведений Алексея Макремволита не выявляют его отношения к вопросу вопросов исихастских споров — о сотворенности божественной энергии. Следовательно, позиция Макремволита в этих спорах неясна. Употребление популярных для рассматриваемого времени терминов еще не определяет его отношения к сторонникам Паламы или антипаламитам.

Убеждения и симпатии Алексея Макремволита раскрываются в полной мере, когда он обращается к теме социальной несправедливости, особенно остро прозвучавшей в его «Разговоре богатых и бедных». Это произведение было написано в 1343—1344 гг., «когда длительные землетрясения происходили каждый день и море во многих местах надвигалось на сушу»²¹. И. Шевченко считает, что Макремволит имел в виду землетрясение октября-ноября 1343 г., разрушившее стены Константинополя. Вполне уместно предположить, что природное землетрясение писатель мог сопоставить и с социальными потрясениями, тем более, что «Разговор» был написан в разгар гражданской войны и фессалоникийского движения.

Несомненно, что особый публицистический накал этого произведения определен напряженной внутренней обстановкой в стране. Макремволит выступает в «Разговоре» как страстный, горячий (хотя и не всегда последовательный) защитник бедняков. В уста «бедных» в «Разговоре» писатель вложил гневные слова по отношению к сильным мира сего, от которых идут все беды. «Разговор» Макремволита обнаруживает, что симпатии писателя определены на стороне тех, кто беден.

«Разговор» Алексея Макремволита носит на себе общую печать христианской морали, отраженной и в других произведениях писателя. Выполнение заветов христианской справедливости — вот одна из лейттем «Разговора». Макремволит постоянно обращается к библейским сюжетам, евангельским притчам. Образ справедливого страдающего Христа, общего для всех отца, про-

ходит через все мотивы «Разговора». Алексей Макремволит постоянно апеллирует к мыслям Ветхого и Нового заветов. В его небольшом по объему «Разговоре» мы встречаем множество образов и завещаний из пяти книг Моисеевых, Псалтиря, Книги притчей Соломоновых, Книг пророков Иеремии, Иезекииля, Даниила, Осии, Амоса, а также Четвероевангелия и многих посланий.

Кроме этой общей окраски в тона христианской морали, характерной для произведений многих византийских писателей²², ясно ощущается проходящая через весь «Разговор» мысль о соотношении общего и частного («Или вы не видите внутренней общности тел, когда из-за отдельной части испытывает страдания целое?»)²³. Часть несет ответственность перед общим и зависит от него («Целое проявляет алчность и враждебность всякий раз, когда видит, что отдельные части подвергнуты недугу», «... целое испытывает отвращение к частям, пораженным подобными болезнями и, охваченное гневом, по повелению создателя, беспощадно уничтожает их, чтобы и самому не быть оскверненным ими»)²⁴. «Общее» в произведении Макремволита представляет грозную силу, карающую грешников. Можно сказать, что в философских воззрениях Алексея Макремволита, выраженных в «Разговоре», проскальзывают нотки пантеизма.

Однако теолого-философские мотивы произведения не заглушают общего публицистического звучания его. Проблема социальной несправедливости лежит в центре внимания Макремволита. Линия «богатые» — «бедные», отраженная и в названии произведения, вычерчивается автором очень четко.

Много резких слов сказано в «Разговоре» в адрес богатых, попирающих в бедняке его человеческое достоинство. Чтобы почувствовать глубину социального контраста, рисуемого Алексеем Макремволитом, необходимо прежде всего решить вопрос: кого он подразумевал под «богатыми» и «бедными»?

Разумеется, при ответе на этот вопрос приходится иметь в виду характер источника, отражающего все те наслоения субъективного плана, которые присущи литературному произведению. Кроме того, нельзя не учитывать полемическую настроенность «Разговора», приводящую в значительной степени к гротеску. Однако отдельные характеристики и определения, содержащиеся в произведении, позволяют не согласиться с отраженным в нашей литературе мнением о присущем Алексею Макремволиту традиционно-христианском понимании «богатых» и «бедных»²⁵. Материал, содержащийся в «Разговоре» дает основание для некоторых выводов о социальном содержании понятий «богатые» и «бедные» с точки зрения Алексея Макремволита.

Можно согласиться с И. Шевченко, что «богатые» в «Разговоре» — это не *aristoi* и не *eugeneis*²⁶. Однако американский исследователь уверенно относит богатых к «средним», подчеркивая при этом скромность их положения в обществе²⁷. На основании сообщения Иоанна Кантакузина²⁸ И. Шевченко говорит о том, что

«средние» жили в большей нужде, чем ремесленники²⁹. Однако *mesoi* — это очень широкая социальная группа в структуре византийского общества XIV в. «Средние» включали крупных торговцев, предпринимателей, ремесленников, мелких собственников, представителей свободных профессий³⁰. Недаром некоторые из «средних» стали жертвами террора в период зилотского движения³¹, несомненно, это были представители той части *mesoi*, которые по своему положению примыкали к знати.

Из «Разговора» ясно, что «богатые» — это люди, связанные с торговлей, с предпринимательством, использующие труд тех, кого автор называет «бедными». В «Разговоре» несколько раз упомянута торговля как занятие богатых³². Среди способов накопления богатства указывается торговля («Средства же приобретения денег ясны для умного человека. Одни становятся богатыми благодаря знанию или торговле, другие — через воздержанность или грабеж, многим помогает разбогатеть власть, отцовское наследство...») ³³.

Думается, что и образ торгового судна, олицетворяющего «богатых», подсказан их социальной принадлежностью к крупным городским предпринимателям. «Если вы хотите переплыть спокойно море жизни, — говорят бедные, — посмотрите на нас благосклонно и отгрузите часть клади с ваших торговых судов в наши лодки, чтобы, ведомые Богом, и мы, и вы смогли бы достичь гавани спасения — тогда и ваш корабль не утонет из-за своей тяжести, и наши лодки не будут раскачиваться из-за своей легкости»³⁴. Не случайно и первый аргумент, прозвучавший в «Разговоре» из уст «богатых» в оправдание их отношения к «бедным», — «нет такого обычая — кормить даром тех, кто не работает»³⁵. Вполне в духе предпринимательской логики, как это было уже подмечено М. Я. Сюзюмовым³⁶, заявление о том, что бедность происходит от лености³⁷. Богатый человек в описании Макремволита — это не сибарит; он постоянно думает об увеличении своих богатств. Вот его демагогически звучащие жалобы: «А сколько у нас мыслей о приумножении наших владений, но, с другой стороны, сколько опасений относительно того, чтобы сохранить все это! А вы считаете нас счастливыми именно по этим причинам»³⁸.

В «Разговоре» ярко и зримо представлена жизнь «богатых». Они живут в трехэтажных домах, имеют богатые купальни, проводят дни в роскошных пирах, пьют вино из золотых кубков, носят ослепительные одежды³⁹. «Все ваше — для удовольствий», — с упреком бросают «бедные»⁴⁰. А как пышна церемония похорон «богатых»!⁴¹

«Богатые» имеют вес в обществе — им принадлежат первые места в собраниях⁴². Рассказывая о своих «бедах», «богатые» жалуются, что им постоянно грозит гнев правителей и коварство равных им по положению⁴³.

«Богатые» не отрицают того, что они действительно живут в изобилии, не вызывает возражения у «богатых» и мысль о том, что

бедные должны на них работать. Но они считают себя оскорбленными, когда их называют сибаритами: тогда «богатые» относят себя к «средним»⁴⁴, противопоставляя свое положение в обществе жизни высшей аристократии.

Следовательно, «богатые» в «Разговоре» — это не представители крупного землевладения (в источнике нет упоминаний о сеньориальном методе эксплуатации народных масс), не сановники и аристократы, а крупные предприниматели, приближающиеся по размерам богатств и образу жизни к высшим кругам византийского общества XIV в. Их богатства создаются различного рода торговыми и иными предприятиями, безжалостной эксплуатацией трудящегося городского люда.

«Бедные» в описании Макремволита — это не нищие, не представители люмпенских слоев⁴⁵. В «Разговоре» они отмежевываются от тех, которые «выставляют голыми части тела в зимнее время, симулируя крайнюю нищету, и скрежещут зубами, чтобы возбудить сочувствие в тех, кто взирает на это»⁴⁶. Но вызывает возражение утверждение И. Шевченко, что «бедные», по Макремволиту, — это не настоящие бедняки, а люди, подобные тому священнику, который совершает кражу церковной вещи «из-за бедности»⁴⁷. Издатель «Разговора» предполагает, что к «бедным» можно отнести и самого Алексея Макремволита, и его безденежных коллег⁴⁸. Однако в «Разговоре» прямо отмечается, что «бедные» — это прежде всего трудящиеся люди города. Недаром «бедные» говорят, что на них «держатся все города»⁴⁹. Противопоставляя себя «богатым», приносящим «общие бедствия своей алчностью», приводящим к смуте города и увеличивающим нужду⁵⁰, «бедные» с гордостью говорят, что из их среды выходят труженики — «пахари, строители домов и грузовых кораблей, ремесленники»⁵¹. Однако труд этих людей, столь нужный обществу, не приносит им достатка («...мы много и тяжело трудимся, но никакой или почти никакой выгоды не получаемся»)⁵². Положение бедняка в обществе сравнивается Макремволитом с состоянием человека, страдающего от жажды, но не могущего вместе с другими пить воду⁵³. Его пища — грубый хлеб и соленая рыба⁵⁴. Обола, получаемые бедными людьми, рассчитаны на каждодневное питание⁵⁵. Беднякам, несмотря на все их труды, постоянно грозит голодная смерть⁵⁶. Они, находясь в «горниле постоянно сжигающей бедности»⁵⁷, «лишились всего вплоть до самой ничтожной частички, кроме голых тел с их страданиями и нищетой»⁵⁸. Криком отчаяния звучат в устах бедняков слова, обращенные к богатым: «кормите нас так, как вы кормите своих собак»⁵⁹.

Анализ «Разговора» позволяет видеть в «бедных» прежде всего тех, кто зарабатывает на жизнь каждодневным трудом, причем преимущественно это труженики города (хотя упоминаются Макремволитом и пахари). Даже если принять во внимание возможность присутствия элементов гиперболы в описании положения «бедных» и «богатых», мы несомненно получаем интересный материал о противоречиях между трудящимся населением и предпринимателями.

Каковы причины имущественного и социального неравенства в объяснении Макремволита? В решении этого вопроса автор «Разговора» не всегда последователен. Иногда он склонен считать, что Господь дал богатым лучший жребий⁶⁰. В другом месте «Разговора» писатель вкладывает в уста «бедных» такое объяснение имущественных различий в обществе: «Он же (Бог.— М. П.), испытывая вашу пронизательность и послушание, из-за вас лишал часто всего необходимого нас, чтобы вы нашли спасение, сострадательно относясь к нам»⁶¹. Но тут же Макремволит противоречит себе, утверждая, что богатство не даруется Богом за добродетели, а наживается торговлей, грабежом и т. п.⁶² Автор «Разговора» приводит в объяснение социальных контрастов даже и такую причину, как брак между людьми, равными по положению («...бедность, по-моему, вызывается к жизни не какой-нибудь иной причиной, а именно бракосочетанием с себе подобными») ⁶³. Дважды прозвучала в «Разговоре» мысль о том, что причина бедности — тяжелые времена, обрушившие на бедняков свой молот⁶⁴. Наконец, Макремволит, противореча всем своим мыслям о равенстве людей, утверждает: «...нужда так же неизбежна в мироздании, как необходимы основные части тела»⁶⁵.

Однако главная мысль, объясняющая происхождение богатства и бедности, может быть выражена в словах, обращенных к богатым: «...вы присваиваете себе то, что принадлежит всем»⁶⁶. Эта мысль проходит через весь «Разговор». Автор говорит устами бедняков: «Господь милостив, ибо если бы вы смогли овладеть и солнцем, вы бы не сочли нас достойными наслаждения им»⁶⁷.

В адрес «богатых» звучат в «Разговоре» упреки: «...вы не предоставляете нам за наши труды часть, полагающуюся нам по закону...»⁶⁸, не спешите «погасить сжигающее нас горнило бедности каким-нибудь небольшим даянием, а нам и случайного было бы достаточно»⁶⁹. В итоге спора о богатстве и бедности богатые признаются: «мы любим золото и ценим его выше самих душ. Обладание им и его сохранение наиболее желанно везде. И мы решаемся все претерпеть ради него»⁷⁰.

Для того, чтобы обосновать права всех людей на необходимую им часть «плодов земли»⁷¹, Макремволит обращается к теме нравственного превосходства бедняков и определенного природой равенства всех людей: «...выше те, кто наги и нуждаются»⁷², поскольку они предпочитают верховное земному⁷³, — вот одна из ведущих тем «Разговора». Писатель противопоставляет им грязные души богачей, предпочитающих духовной пище телесную, духовной высшей радости — плотскую и земную⁷⁴. Макремволит с особой силой подчеркивает, что нравственно чистый человек имеет самое прекрасное из того, что даровано людям природой, — то, что отличает его от животных и дает ему силы, — разум, душу⁷⁵.

Мысли о равенстве людей перед природой («разве люди братья и не братья по выбору»⁷⁶, «мы все благородного происхождения в

равной степени»⁷⁷, «уважайте и нашу общую природу»⁷⁸), столь обычные для писателей христианского мира, приобретают у Макремволита социальное звучание. «Бедные» в «Разговоре» утверждают, что они отличаются от «богатых» лишь по состоянию, но не по природе⁷⁹. Заявление о равенстве людей доходит в «Разговоре» до утверждения общности имуществ: «Может ли роскошь быть вашей, а пища для поддержания жизни — нашей, как глаза — нашими, а горло — вашим, виноград — нашим, а урожай — вашим?»⁸⁰. И эта мысль не является случайной, затерявшейся среди многочисленных доводов относительно христианской справедливости и равенства всех перед Богом. Еще более определенно высказана Макремволитом идея ликвидации собственности в другом его произведении — «Слове». Если все люди рождаются, живут, умирают, имеют душу, обладают равными правами на пользование светом, воздухом, водой и огнем, — утверждает писатель, — «если все общее, то ясно, что и земля должна быть общей так же, как и все, ею порождаемое, даже если ненасытная жадность и тирания присвоили большую часть из них»⁸¹.

Идея равенства людей, высказанная Макремволитом, выходит за рамки норм христианской морали и выражает весьма радикальные представления писателя о необходимости и естественности имущественного и социального равенства.

Как решает Алексей Макремволит вопрос об устранении резких социальных контрастов в византийском обществе? Здесь писатель недостаточно последователен: то его проекты утопичны и бесплодны, то он обращается к прямым угрозам в духе настроений фессалонийского движения.

Возможность ликвидации нищеты в обществе Алексей Макремволит видит прежде всего в сострадательном отношении богачей к бедным людям⁸². «Любите нас, как самих себя», — этот евангельский призыв проходит через все произведение Макремволита. Сострадание к несчастным бедняка писатель называет лекарством к спасению⁸³. «Будьте благосклонны к нам в своем изобилии, как друзья и братья»⁸⁴, «отдайте нам часть ваших излишков»⁸⁵, «спуститесь вместе с нами в горнило постоянно сжигающей бедности...»⁸⁶, «кормите нас и одевайте»⁸⁷ — так звучат смиренные мольбы «бедных».

В ответ на милость богача «бедные» обещают им благополучное прибытие в гавань спасения⁸⁸ и бессмертные покои⁸⁹, и увеличение доходов⁹⁰. Бедняки готовы униженно благодарить человека, сострадательно посмотревшего на них: «Мы принимаем ваши благодеяния не безвозмездно, но сразу же воздаем вам благодарность, благословения, похвалы, чтим вас и превозносим, уступаем вам место и обращаемся к вам, почти как к богам»⁹¹.

Столь же утопичны и планы ликвидации нищеты посредством браков между «богатыми» и «бедными» («...было бы более надлежащим, чтобы бедная девушка выходила замуж за богатого жениха и наоборот... Смешением противоположностей можно было бы избе-

жать этих крайностей и достичь необычайно целительной середины»⁹².

Для того, чтобы убедить «богатых» в необходимости сочувственного и сострадательного отношения к своим единоплеменникам, Макремволит обращается к примерам проявления добродетели. Он подтверждает свои доводы прежде всего поступками самого Бога, который считал бедняков своими братьями⁹³. Вспоминает Макремволит и старые добрые времена, когда «воздух... не был наполнен стонами...»⁹⁴. Тогда для бедных имелись больницы, сиротские приюты, школы, дома для престарелых⁹⁵. Пытается устыдить писатель богатых людей своего времени — бессердечных и скупых — примером человеколюбивого и милосердного отношения евреев и магометан к своим бедным единоплеменникам⁹⁶.

Видимо, понимая слабость и необидительность подобных аргументов, Алексей Макремволит очень легко от призывов к состраданию и проявлению добродетели переходит к гневным упрекам и угрозам возмездия. Он постоянно напоминает «богатым» о гневе Отца, об обвинениях самой природы⁹⁷. Нет божественного благословения тем, кто копит⁹⁸, «вследствие безмерных воздаяний самим себе вы будете безжалостно подвергнуты карам»⁹⁹, — такие слова обращает писатель к тем, кто не соблюдает норм христианской справедливости. Он обещает богачам, проявляющим черствость и скупость по отношению к людям, превращение их богатств в червя, который будет глотать их в вечности¹⁰⁰, он обещает им разорение¹⁰¹, напоминает о страшном суде, на который и богачи идут голыми, оставив все богатства¹⁰². Но самая серьезная угроза, брошенная Макремволитом в адрес «богатых», выходит за рамки священного писания и звучит вполне в духе времени: «Правитель государства, чтобы не осквернить и себя в этой грязи, должен был бы принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного двора тех, кто не заботится о своих подданных»¹⁰³.

После просьб и упреков («испытывайте стыд»¹⁰⁴, «дайте нам взаймы»¹⁰⁵) особенно резко звучат откровенно и четко сформулированные требования «бедных»: «Мы требуем от вас вернуть нам наше»¹⁰⁶. На фоне контрастов в положении этих двух социальных групп — богатых предпринимателей и трудящегося люда, контрастов, столь ярко отраженных в «Разговоре», требование «Дайте нам наше»¹⁰⁷ воспринимается как призыв, вполне созвучный общему настроению зилотского движения, в разгар которого был написан «Разговор».

И. Шевченко считает, что «бедные не были революционерами и «Диалог» едва ли можно назвать революционным манифестом»¹⁰⁸. Несомненно, американский исследователь прав: нельзя считать это литературно-публицистическое произведение программным требованием определенной социальной группы. «Разговор» прежде всего отражает личное восприятие Макремволитом существующих в византийском обществе социальных противоречий. Непоследовательность некоторых взглядов «Разговора» отражает неопределенность

позиции писателя в условиях ожесточенной политической и классовой борьбы в стране. Нельзя даже сказать, что берет перевес в «Разговоре»: смиренные ли просьбы бедняков или их гневные угрозы и требования. Как раз эта нерешительность и непоследовательность «Разговора» и отражает настроения византийского интеллигента, не видящего выхода из создавшегося положения. Эта безысходность проявляется и в утверждениях Макремволита относительно неминуемого конца света¹⁰⁹. Доказывая его приближение, Макремволит ссылается на бедствия своего времени — землетрясения, разрушение св. Софии, господство зла и т. п.¹¹⁰ Однако мысль писателя о ближащемся конце света также является свидетельством особой остроты противоречий византийского общества. А непоследовательность аргументации «бедных» производит впечатление горячности, страстности спора и не снижает общего публицистического звучания «Разговора».

Вопреки предположению издателя «Разговор между богатыми и бедными» отнюдь не разочаровал исследователей социальной истории поздней Византии. Это произведение позволило реальнее и ярче ощутить глубину пропасти между теми, в чьих руках богатства, и трудящимся народом. Анализ «Разговора» дает возможность увидеть противопоставление «крайностей»¹¹¹ общества — знати и нищих, но особенно важна для исследователей проводимая в произведении линия «предприниматели — трудящиеся». Думается, что публикация других произведений Алексея Макремволита «Logos historikos», с отрывками из которых нас познакомил И. Шевченко, даст возможность в более широком аспекте посмотреть на проблему социальных противоречий в византийском обществе середины XIV в.¹¹²

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Cant., I, 301.6—10; II, 179.5—7; 235.5—8; 334.5—11; 393.24.

² И. Шевченко считает Макремволита второстепенным писателем. — Ševcenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor». — ЗРВИ, 1960, № 6, р. 189. Однако опубликованный им «Разговор» Алексея Макремволита свидетельствует о явном публицистическом даровании последнего.

³ Manuelis Philae carmina. Ed. E. Miller, I, 1855, p. 215, 370, 449, 455, 457; Fabricius-Harles. Bibliotheca graeca, XI, 1808, p. 558.

⁴ ЖМНП, СССРХI, 1, 1899, стр. 19—23. См. также: Meander, I, 1946, p. 458—476; С. В. Полякова. Из истории античного романа в Византии (Толкование на «Лукия или осла» Алексея Макремволита) — IV конференция по классической филологии, ноябрь 1969 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1969, стр. 37—38.

⁵ A. Papadopoulos-Kerameus. Hierosolymitike Bibliothéke, II, 1894, p. 533—536.

⁶ ЗРВИ, 1960, № 6, р. 203—215; 216—228.

⁷ Ibid., p. 187—202. И. Шевченко дан краткий обзор неопубликованных работ Алексея Макремволита, содержащихся в этой рукописи, с указанием лакун, имевших место в публикации Попадопуло-Карамевса (по пагинации И. Шевченко Logos 7, fols 102^v—105^r: обращение к священнику, потерявшему веру из-за бедности: Logos 8, fols 105^v—106^r: оплакивание тяжелых времен, войн, пленений и жестокостей).

⁸ Ibid., p. 188.

⁹ К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, p. 160; А. Пападопуло-Керамевс. Алексей Макремволит.— ЖМНП, ч. СССХХІ, 1899, стр. 19 (аннотация К. Крумбахера на заметку Пападопуло-Керамевса.— ВЗ., 1899, Bd. VIII, S. 555—556); G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, 1958, p. 218.

¹⁰ Аннотация А. П. Каждана на публикацию «Разговора».— ВИ, 1960, № 10, стр. 193—194; М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами в 1342—1348 гг. в Фессалониках.— Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. Тезисы докладов. Тбилиси, 1965, стр. 37; История Византии, т. 3. М., 1967, стр. 12, 140; М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг.— ВВ, т. 28, 1968, стр. 26—27; Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи.— ВВ, 30, 1969, стр. 20.

¹¹ 13, fol. 156; 2, fol. 37; 11, fol. 120.— I. Ševčenko. Op. cit., p. 190, n. 13, 17.

¹² Там же, стр. 190, прим. 20, 21.

¹³ Там же, стр. 191, прим. 24.

¹⁴ Там же, стр. 194—195.

¹⁵ Там же, стр. 191.

¹⁶ 12, fol. 126, 127.— I. Ševčenko. Op. cit., p. 194, n. 46.

¹⁷ А. Пападопуло-Керамевс. Алексей Макремволит, стр. 19.

¹⁸ I. Ševčenko. Op. cit., p. 191—192, n. 27—33.

¹⁹ Там же, стр. 195—196, прим. 57; 9, ф. 106/прим. 58/.

²⁰ Там же, стр. 192, прим. 35; стр. 193, прим. 38, 42.

²¹ Dialogos plousion kai peneton (Далее — D.), p. 203, var. lect.

²² Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи, стр. 20.

²³ D., стр. 203. 12—13.

²⁴ Там же, стр. 203. 15—16; стр. 204. 1—4.

²⁵ Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи, стр. 20.

²⁶ I. Ševčenko. Op. cit., p. 201.

²⁷ Там же, стр. 200—201.

²⁸ Cant., II, 334, 5—11.

²⁹ I. Ševčenko. Op. cit., p. 201.

³⁰ Ср.: P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIe Century and later.— BS, XII, 1951, p. 148; М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе.— АДСВ, вып. 4. Свердловск, 1966, стр. 16; Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи, стр. 25—26.

³¹ Cant., II, 393, 24.

³² D., стр. 208. 3—5.

³³ Там же, стр. 206. 26; стр. 207. 1—3.

³⁴ Там же, стр. 207. 5—10.

³⁵ Там же, стр. 205. 17—18.

³⁶ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 26.

³⁷ D., стр. 212. 30—32.

³⁸ Там же, стр. 212. 22—24.

³⁹ Там же, стр. 209.

⁴⁰ Там же, стр. 209. 6.

⁴¹ Там же, стр. 214. 29—33; стр. 215. 1—2.

⁴² Там же, стр. 209. 20.

⁴³ Там же, стр. 212. 19—22.

⁴⁴ Там же, стр. 210. 20.

⁴⁵ М. Молла. Бедные и средневековое общество. М., 1970.

⁴⁶ D., стр. 212. 10—14.

⁴⁷ F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, I, 1860, p. 475. I. Ševčenko. Op. cit., p. 201, n. 87.

⁴⁸ I. Ševčenko. Op. cit., p. 201, n. 88.

⁴⁹ D., стр. 210. 10.

⁵⁰ Там же, стр. 210. 12—13.

- ⁵¹ Там же, стр. 210. 8—10.
- ⁵² Там же, стр. 205. 28—29.
- ⁵³ Там же, стр. 204. 35; стр. 205. 1.
- ⁵⁴ Там же, стр. 209. 3.
- ⁵⁵ Там же, стр. 209. 7.
- ⁵⁶ Там же, стр. 203. 5; стр. 204. 23—24.
- ⁵⁷ Там же, стр. 207. 18—19.
- ⁵⁸ Там же, стр. 207. 14—16.
- ⁵⁹ Там же, стр. 208. 19—20.
- ⁶⁰ Там же, стр. 208. 26—27.
- ⁶¹ Там же, стр. 212. 6—9.
- ⁶² Там же, стр. 207. 14—25.
- ⁶³ Там же, стр. 208. 10—11.
- ⁶⁴ Там же, стр. 209. 32—33; стр. 213. 4—11.
- ⁶⁵ Там же, стр. 213. 28—29.
- ⁶⁶ Там же, стр. 203. 3. В другом, еще не опубликованном произведении Алексея Макремволита была высказана мысль о том, что во всех бедах его времени виновны прежде всего правители, богатства которых нажиты путем грабежа народа.— I. Ševcenko. Op. cit., p. 197, п. 65, 66.
- ⁶⁷ Д., стр. 204. 13—15.
- ⁶⁸ Там же, стр. 211. 13—15.
- ⁶⁹ Там же, стр. 204. 29—31.
- ⁷⁰ Там же, стр. 215. 6—10.
- ⁷¹ Там же, стр. 203. 11—12.
- ⁷² Там же, стр. 211. 11—12.
- ⁷³ Там же, стр. 211. 27—28.
- ⁷⁴ Там же, стр. 206. 11—15.
- ⁷⁵ Там же, стр. 206. 1—8.
- ⁷⁶ Там же, стр. 203. 2.
- ⁷⁷ Там же, стр. 207. 35—36.
- ⁷⁸ Там же, стр. 208. 17—18.
- ⁷⁹ Там же, стр. 210. 7—8.
- ⁸⁰ Там же, стр. 208. 30—32.
- ⁸¹ 6. fol. 104^r.— I. Ševcenko. Op. cit., p. 199, п. 75.
- ⁸² Д., стр. 208. 27—29.
- ⁸³ Там же, стр. 213. 33.
- ⁸⁴ Там же, стр. 210. 1.
- ⁸⁵ Там же, стр. 208. 13—14.
- ⁸⁶ Там же, стр. 207. 18—20.
- ⁸⁷ Там же, стр. 208. 19—20.
- ⁸⁸ Там же, стр. 207. 5—10.
- ⁸⁹ Там же, стр. 211. 19—20.
- ⁹⁰ Там же, стр. 214. 2.
- ⁹¹ Там же, стр. 214. 3—5.
- ⁹² Там же, стр. 208. 3—12.
- ⁹³ Там же, стр. 206. 23—24; стр. 207. 29—31.
- ⁹⁴ Там же, стр. 213. 3—11.
- ⁹⁵ Мысль о справедливости прежних времен проводится и в других произведениях Алексея Макремволита. См.: 10, fol. 112^v.— I. Ševcenko. Op. cit., p. 198, п. 70.
- ⁹⁶ Д., стр. 205. 9—14.
- ⁹⁷ Там же, стр. 203. 2—3; стр. 204. 19—22.
- ⁹⁸ Там же, стр. 210. 30—33.
- ⁹⁹ Там же, стр. 211. 20—21.
- ¹⁰⁰ Там же, стр. 208. 15—16.
- ¹⁰¹ Там же, стр. 214. 18.
- ¹⁰² Там же, стр. 205. 25—26.
- ¹⁰³ Там же, стр. 210. 13—16.

¹⁰⁴ Там же, стр. 208. 21—22.

¹⁰⁵ Там же, стр. 214. 1—2.

¹⁰⁶ Там же, стр. 214. 6.

¹⁰⁷ Там же, стр. 214. 12.

¹⁰⁸ I. Ševcenko. Op. cit., p. 201.

¹⁰⁹ Там же, стр. 198, прим. 71.

¹¹⁰ Там же, стр. 198, прим. 72.

¹¹¹ Д., стр. 210. 18. 21—22.

¹¹² Когда статья уже находилась в печати, Ст. Курусисом был издан текст сочинения Алексея Макремволита «На разрушение Св. Софии от многократных землетрясений». См.: St. J. Konroussis Kai antilepseies peri ton eschaton ton kosmon kai he kata to etos 1346 ptosis ton\troullon tes hagian Sofias.— EHBС, 37, 1969/70, p.235—240.